

ХЛОЯ ГОНГ

ВЛЕЧЕНИЕ ВЕЧНОСТИ

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г65

Chloe Gong
IMMORTAL LONGINGS

Copyright © 2023 by Chloe Gong
Публикуется с разрешения автора
и ее литературных агентов, Triada US Literary Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского *У. Сапциной*
Художественное оформление *Ю. Щербакова*

Гонг, Хлоя.
Г65 Влечение вечности / Хлоя Гонг ; [перевод с английского
У. Сапциной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-202562-4

Ежегодно тысячи людей приезжают в Сань-Эр, чтобы посмотреть на игры. Это захватывающее зрелище, в котором может принять участие каждый. Убив семьдесят семь человек, победитель получит несметные богатства.

После гибели родителей принцесса Калла Толэйми вынуждена скрываться. Она планирует отомстить и свергнуть короля, своего дядю. Но только если она одержит победу в играх, сможет встретиться с ним один на один и убить.

Бывший аристократ Антон Макуса едва сводит концы с концами. По вине короля его возлюбленная находится в коме. Ради ее спасения Антон должен принять участие в играх.

Когда начнется смертельная битва, Калле и Антону придется заключить союз. По крайней мере, на какое-то время, чтобы остаться в живых. Ведь когда между ними вспыхнут чувства, им придется решать: выжить любой ценой или умереть ради любви.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-202562-4

© Сапцина У., перевод на русский язык,
2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО “Издательство “Эксмо”, 2025

*Посвящается Лоре Крокетт.
Будь книгоиздательство битвой на арене,
вы были бы моим самым надежным союзником*

Ее разнообразью нет конца.
Пред ней бессильны возраст и привычка.
Другие пресыщаются, а она
Все время будит новые желанья.
Она сумела возвести разгул
На высоту служенья и снискала
Хвалы жрецов.

Шекспир.
«Антоний и Клеопатра»¹

¹ Пер. Б. Пастернака.

ГЛАВА 1

Живое существо, получив рану или перелом, вынуждено исцеляться. В ране свернется кровь, запечатав в теле человека его ци. Кость срастется, новые костные волокна затянут каждую трещинку. Вот и строения Сань-Эра, едва обнаружив какое-либо неудобство, спешат устранить его, выискивая каждую щель и усердно заливая ее лекарственными снадобьями. С верхних этажей дворца видны лишь нагромождения сооружений, составляющих города-близнецы, сцепленные вместе и служащие опорой друг другу: одни из этих строений соединяются с соседними на уровне земли, другие — только поверху. В королевстве Талинь каждому хочется жить в столице — в этих двух городах, притворяющихся единым целым, — и поэтому Сань-Эр застраивается все плотнее, тянется все выше, чтобы вместить всех желающих, маскируя полным отсутствием слаженности действий свой смрад и пороки.

Август Шэньчжи сжимает пальцы на балконных перилах и с трудом отводит взгляд от простирающейся до горизонта панорамы крыш. Смотреть ему следовало бы вниз, на базарную площадь, с оглушительным шумом бурлящую в стенах коллизея. Три поколения назад Дворец Единства был возведен рядом с гигантским коллизеем Саня — вернее сказать, *встроен* в коллизей: северная сторона вознесенного ввысь дворца выросла в южную

стену колизея, раздвинула камень своими башенками и балконами и плотно заполнила собой зазор. Из каждого окна с северной стороны открывается прекрасный вид на базарную площадь, но лучше всего она просматривается с балкона. Король Каса выходил сюда произносить речи — в те времена, когда еще появлялся на публике. Тогда площадь расчищали, и подданные короля собирались на единственном в пределах Сань-Эра клочке свободного пространства, чтобы поприветствовать своего правителя.

Подобного колизею места здесь больше нет нигде. Сань-Эр представляет собой небольшой выступ суши у края королевства, от земледельческих провинций Талиня его отделяет устремленная вверх стена, с остальных сторон омывает море. Но, несмотря на небольшие размеры, Сань-Эр, по сути, целый мир, населенный полумиллионом обитателей, соседство которых на каждой квадратной миле становится все более тесным. Узкие, как лазы, переулки между строениями оседают, земля под ногами вечно раскисшая, взмокшая от натуги. Проститутки и храмовые жрецы пользуются одними и теми же дверями, торчки и школьные учителя укладываются вздремнуть под одним и тем же навесом. Неудивительно, что колизей остается единственным пространством, недостижимым для строителей и самовольных вселенцев: под бдительным оком правящих особ его не коснулось лихорадочное расширение, напирющее на его стены. Колизей могли бы снести и выстроить на освободившейся земле десять, а то и все двадцать новых улиц, втиснуть на них еще сотню жилых комплексов, но дворец не позволяет, а слово дворца — закон.

— Позволь мне отлучиться, чтобы задушить твоего дядю, Август. Он мне до смерти надоел.

В комнату входит Галипэй Вэйсаньна, эхо его голоса доносится до балкона. Говорит он, как всегда, отрывисто, резко, откровенно. У Галипэя редко возникает желание лгать, однако он считает своим первоочередным долгом непрестанно молотить языком, даже когда лучше было бы его придержать. Август поднимает голову, чтобы взглянуть на своего телохранителя, и корона сдвигается с места, косо съезжает влево. При дворцовом освещении крас-

ные камни осыпают обесцвеченные кудри каплями крови. Корона еле держится, достаточно дуновения залетного ветерка, чтобы металлический ободок слетел с головы.

— Будь осторожен, — ровным тоном отзывается Август. — В тронном зале на оскорбление Его величества смотрят с осуждением.

— Стало быть, полагаю, кому-то надлежит смотреть с осуждением и на тебя.

Галипэй выходит к нему на балкон и с привычной фамильярностью подталкивает корону на голове Августа, поправляя ее. Вид у него внушительный, рост высок, плечи широки, особенно в сравнении с гибкой отточенностью силуэта Августа. Облаченный, как всегда, в темные рабочие одежды, Галипэй выглядел бы частью ночи, будь ночь украшена пряжками и ремнями с подвешенным к ним разнообразным оружием, которое иначе не прилегало бы к плотной коже. От соприкосновения с его телом золоченые перила, на которые Галипэй кладет ладони, повторяя позу Августа, издают мелодичный звон, но этот звук сразу тонет в гомоне кипящей внизу базарной площади.

— Кто бы дерзнул? — буднично осведомляется Август. Это не похвала, а исполненная убежденности манера того, кому доподлинно известна высота его пьедестала, ведь он взобрался туда сам.

Галипэй издает неопределенный возглас. Он отводит взгляд от стен колизея, уже завершив поиск возможных источников угрозы и не найдя ничего из ряда вон выходящего. И теперь смотрит туда же, куда и Август, — на ребенка, пинающего мяч вдоль ближайшего ряда базарных прилавков.

— Я слышал, ты взялся за предварительное устройство игр. — Ребенок тем временем все ближе и ближе к балкону. — Что ты задумал, Август? Твоему дяде...

Август прокашливается. Галипэй преспокойно поправляется, хоть и закатывает при этом глаза:

— ...твоему *отцу*, прошу прощения, в последнее время и так уже досаждают весь дворец. Если и ты разозлишь его, он вмиг от тебя отречется.

Теплый южный бриз, налетев на балкон, уносит звук скептической усмешки Августа. Он поддерживает воротник, пальцы скользят по шелку — ткань настолько тонкая, что приятно холодит кожу. Пусть король Каса засунет бумаги о признании его сыном хоть в шредер. Как скоро — неважно. Ухищрения последних нескольких лет, направленные на то, чтобы появились эти бумаги, — лишь первая часть плана. И далеко не самая важная.

— Зачем ты здесь? — в свою очередь спрашивает Август, переводя разговор. — Вроде бы Лэйда сегодня ночью вызвала тебя на подмогу.

— Она меня отпустила. На границе Саня все спокойно.

Август не высказывает мгновенно вспыхнувшие в нем сомнения, но хмурится. На дальней окраине Саня, прямо у стены, находится единственное, если не считать колизея, место, где население Сань-Эра может собраться и устроить беспорядки, толпясь вокруг гор мусора и выброшенной техники. Продолжается это недолго. Рассредоточившись, стража разгоняет толпу, а потом смутьяны или попадают на неопределенный срок в дворцовые застенки, или врассыпную удирают по лабиринтам узких улочек.

— Занятно, — говорит Август. — Не припомню, когда в последний раз накануне игр никто не пытался поднять мятеж.

Еще несколько шагов — и ребенок с мячом окажется прямо под ними. Не глядя по сторонам, эта девочка ведет мяч, лавируя между торговцами и покупателями, и топает поношенными башмаками по неровной земле.

— В этом году игры должны завершиться быстро — глазом моргнуть не успеешь. Желающих тянуть жребий почти не нашлось.

«Почти» Галипэя означает, что таковых нашлись сотни вместо обычных тысяч. Раньше, в те времена, когда два короля выплачивали из своей казны щедрый приз, игры были гораздо более значительным событием. Начало им положил отец Каса во время своего правления, и то, что зародилось как бой один на один не на жизнь, а на смерть, в конце концов превратилось в состязание с множеством участников, выплескивающееся далеко за пре-

дела коллизия: ареной для побоищ служил весь Сань-Эр. Когда-то смотреть, как искусные бойцы рвут друг друга в клочья на арене, было просто развлечением, чем-то далеким от обычных граждан. Теперь же игры — захватывающее зрелище, в котором может принять участие каждый, находка для королевства, кипящего на медленном огне всеобщего недовольства. *«Не беспокойтесь, если ваши дети падают замертво, потому что из-за голода от них осталась одна пустая оболочка, — заявляет король Каса. — Не беспокойтесь о том, что ваши старики вынуждены спать в клетках, потому что другого жилья больше нет, или что мерцающая неоновая вывеска стрип-клуба в переулке напротив ночь за ночью не дает вам уснуть. Впишите свое имя в лотерею, убейте всего восемьдесят семь своих сограждан — и будете вознаграждены богатствами, превосходящими ваши самые смелые мечты».*

— Значит, список составил он? — спрашивает Август. — Из всех восьмидесяти восьми везучих участников?

«Восемьдесят восемь — число удачи и процветания! — глясят рекламные плакаты игр. — Вы просто обязаны зарегистрироваться до того, как истечет срок, в течение которого у вас еще есть шанс войти в число наших высокочтимых участников состязания!»

— Его величество невероятно горд собой. С именами он разобрался за рекордно короткое время.

Август фыркает. Каса управился так быстро не из-за своей работоспособности. С тех пор как два года назад Август предложил ввести регистрационный взнос, время жеребьевки заметно сократилось. Казалось бы, с ухудшением условий в нынешние времена желающих бросить жребий в надежде на победу должно прибавиться, но жители Сань-Эра все сильнее опасаются, что игры — сплошное мошенничество и что победителя обманом лишат щедрого приза точно так же, как города-близнецы постоянно лишают их любых наград. И они недалеко от истины. Ведь и в этом году Август *намудрил* с жеребьевкой, чтобы внести в список одно имя.

Поморщившись, он отступает на шаг от балконных перил и старается расслабить шею, сбросить напряжение. Всего на два особых дня в году колизей, раскинувшийся перед его глазами, расчищают и вновь превращают в арену, для чего он и был когда-то построен. Но сегодня он все еще базарная площадь. Тесный, скученный мирок торговцев с едой, брызжущей маслом, мастеров по металлу, лязгающих лезвиями, и техников, занятых починкой громоздких компьютеров для перепродажи. Этими последними в Сань-Эре пользуются до самого последнего издыхания. Иначе не выжить.

— Август.

К его локтю прикоснулись. Удостоив Галипэя взглядом, Август смотрит в его серебристо-стальные глаза. В том, как Галипэй называл принца по имени, без титула и звания, слышится предостережение. Август не принимает его к сведению, только усмехается. Эта быстрая дрожь губ почти не меняет выражения лица, но Галипэй осекается, застигнутый врасплох откликом, который видит от собеседника нечасто.

Август в точности знает, что делает. На краткий миг переключив внимание Галипэя, он решается на следующий шаг:

— Забери мое тело с балкона.

Галипэй открывает рот, чтобы возразить. От мгновенной растерянности он оправляется быстро:

— Может, все-таки бросишь скакать как...

Но Августа уже нет рядом: он впился взглядом в ребенка, рывком вбросился в него и сразу же открыл свои новые глаза. Ему приходится адаптироваться к изменению роста, на миг он теряет равновесие, а люди вокруг него вздрагивают от неожиданности. Они понимают, что произошло: вспышку при перескоке ни с чем не спутаешь, светящаяся дуга обозначает переход из прежнего тела в новое. Дворец уже давно объявил перескоки вне закона, однако увидеть их до сих пор можно не реже, чем то, как нищий утаскивает рисовую лепешку с прилавка, оставленного без призора. Цивилы, то есть простые граждане, уже научились отводить взгляды, особенно замечая вспышки рядом с дворцом.

Они просто не ожидали, что перескок совершит не кто иной, как кронпринц.

Август смотрит в сторону дворца. Его родное тело камнем валится на руки Галипэя, войдя в состояние стаза. Без энергии ци, присущей человеку, тело — не более чем пустой сосуд. Но сосуд, принадлежащий наследнику престола, — предмет баснословной ценности, и Галипэй, встретившись взглядом с черными как смоль глазами Августа на лице девчушки, одними губами шепчет угрозу придушить и его.

А между тем Август уже направляется в другую сторону, не оставив Галипэю выбора, кроме как яростно охранять тело, доставшееся ему, Августу, при рождении, не подпуская к нему никого даже на десять шагов и пресекая любые попытки вселения. У Августа сильная ци, и если его тело подвергнется сдваиванию, он с легкостью отнимет управление у незваного гостя: либо вынудит его найти другое вместилище, либо подчинит себе, заставив признать поражение. Когда дело доходит до сдваивания в чужих телах, в городах-близнецах не найдется ни единого сосуда, в который Август не смог бы вселиться, лишь бы этот сосуд был достигшим совершеннолетия, двенадцати или тринадцати лет, типичного возраста проявления генетически унаследованной способности к перескоку.

Повод для беспокойства — не столько то, что кто-нибудь может воспользоваться покинутым телом ради удовольствия или власти: со смутьянов станется вселиться в него, чтобы уничтожить в знак протеста, сбросившись с высоты здания до того, как принц успеет совершить обратный перескок.

Едва не столкнувшись с кем-то, Август вздрагивает и принимается лавировать в поисках наименее людного пути через базар. К внезапному обострению чувствительности всякий раз приходится привыкать: шум кажется более громким, цвета — особенно яркими. Наверное, в своем родном теле, то есть доставшемся при рождении, он слишком притупляет все чувства, и нормальными считаются как раз вот эти, обостренные. Чистильщик обуви отрывисто окликает его из-за прилавка и протягивает несколь-